

Советская историческая наука в лицах: академик М.В. Нечкина

Любовь Сидорова

Чем крупнее масштаб личности ученого, тем сильнее оказываемое им на науку воздействие. Именно поэтому в историографии существует устойчивая традиция обращаться к изучению жизни наиболее видных историков. К числу таких учёных принадлежит и Милица Васильевна Нечкина (1899–1985)¹.

Исследование роли Нечкиной в советской исторической науке, определение её вклада в изучение истории России, в первую очередь русского общественно-политического движения XIX в. и отечественной историографии, началось ещё при жизни историка². Позже Академией наук СССР была издана биобиблиография М.В. Нечкиной³. В посвящённом ей кратком очерке М.Г. Вандалковская и В.А. Дунаевский отмечали, что «на развитие советской исторической науки М[илица] В[асильевна] влияла не только своими трудами, воплотившими дар талантливого исследователя и тонкого стилиста, но и огромным нравственным воздействием, вдохновенным научным поиском, широтой интересов, высокой интеллектуальной и профессиональной культурой, интеллигентностью»⁴. В дальнейшем исследовались отдельные стороны научного творчества Нечкиной⁵. Интерес к яркой личности ученого привел даже к появлению парадоксального литературно-психологического очерка Я.А. Ярославцева⁶. Его автор, в начале 1980-х гг. аспирант М.В. Нечкиной, предпринял весьма шаткую с позиций науки попытку нарисовать образ историка посредством сопоставления и отождествления ее с литературным героем И. Ильфа и Е. Петрова Остапом Бендером. Стоит заметить, что в современной историографии научное наследие

© 2014 г. Л.А. Сидорова

¹ Дата рождения М.В. Нечкиной (1899 г. вместо 1901 г.) приводится в соответствии с уточненными данными.

² *Черепнин Л.В.* Академик М.В. Нечкина (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971; *Миронова И.А., Юхт А.И.* О деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения // Археографический ежегодник. М., 1971; *Бромлей Ю.В., Хромов С.С., Вандалковская М.Г.* Выдающийся учёный, организатор и педагог Милица Васильевна Нечкина // История СССР. 1980. № 6; и др. Полный перечень литературы о жизни и трудах М.В. Нечкиной см: Милица Васильевна Нечкина: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1987. С. 35–48.

³ Милица Васильевна Нечкина: Материалы к биобиблиографии...

⁴ Там же. С. 34.

⁵ *Федоров В.А.* Академик М.В. Нечкина (1901–1985) – историк движения декабристов // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 3; *он же.* Нечкина Милица Васильевна (1899–1985) // Историки России. Биографии. М., 2001; *Вандалковская М.Т.* М.В. Нечкина // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; *она же.* История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001; *она же.* Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник РАН. 2001. № 2; *Поляков Ю.А.* Серебряное стило М.В. Нечкиной (О литературном мастерстве историка) // *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.

⁶ *Ярославцев Я.А.* Милица Нечкина: Литературно-психологический очерк. М., 2010.

Нечкиной порой вольно или невольно предается забвению. Так, в антологию, посвященную В.О. Ключевскому⁷, трудам и деятельности которого Милица Васильевна посвятила серию статей и по сей день единственную фундаментальную монографию⁸, став, по сути, его главным советским историографом, не было включено ни строчки из её работ и даже не было упомянуто о её вкладе в изучение наследия выдающегося русского историка.

Тем важнее прилагаемые в последние годы усилия по публикации документов из домашнего архива М.В. Нечкиной, которые хранятся в Архиве РАН (ф. 1820). Их археографическое освоение началось в 1997 г., когда в журнале «Отечественные архивы» появились фрагменты из юношеских дневников Милицы Васильевны⁹. С тех пор публикация фрагментов или достаточно больших массивов личных и деловых дневниковых записей историка предпринималась неоднократно¹⁰. И вот недавно, в конце 2013 г., усилиями коллектива исследователей вышла в свет фундаментальная документальная публикация, которая включает фрагменты казанских личных дневников Нечкиной за 1913–1922 гг. и текст казанских и московских деловых дневников за 1919–1984 гг.¹¹ Это по настоящему бесценный источник, в котором отражена история страны, русской интеллигенции, отечественной исторической науки и сообщества советских историков. Конечно, он также является важным и подчас наиболее верным ключом к постижению многогранной личности самой Милицы Васильевны.

Публикуемые документы позволяют проследить эволюцию мировоззрения Нечкиной как человека и учёного с юных лет, когда начали складываться главные черты её характера. Составитель – Е.Р. Курапова – начинает публикацию личных дневников будущего историка с записи от 21 февраля 1913 г. Тот день для 14-летней ученицы казанской гимназии оказался крайне насыщенным. «По случаю трехсотлетия Дома Романовых и Масленицы нас распустили на целую неделю. Сейчас я только что вернулась с акта и вот пишу дневник», – так начала она свой рассказ о торжественных мероприятиях в своей гимназии и в Казани в целом (с. 61). В нём сразу же отразились её юношеские амбиции – описывая праздничное убранство города, она расшифровала вензель из электрических лампочек, составленный из букв «М» и «Н», инициалов первого и последнего из царствовавших Романовых, Михаила и Николая, как «Милица Нечкина»

⁷ В.О. Ключевский: pro et contra, антология / Сост., коммент. А.В. Малинова, вступ. статья Р.А. Киреевой. СПб., 2013.

⁸ *Нечкина М.В.* К характеристике В.О. Ключевского как социолога // Вестник просвещения. 1923. № 1–2. С. 28–39; *она же.* Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе: (Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии) // Красная новь. 1923. № 5. С. 174–203; *она же.* В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении: Сборник статей / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. М., 1930. С. 215–350; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

⁹ «...Когда я буду “великим” человеком... очень пригодятся мои тетради...»: (Из юношеских дневников М.В. Нечкиной) / Публ. Е.Р. Кураповой // Отечественные архивы. 1997. № 5, 6.

¹⁰ Очень много дел...»: Из деловых дневников 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. Е.Р. Кураповой // Отечественные архивы. 2004. № 6; Дневники академика М.В. Нечкиной / Публ. Е.Р. Кураповой, С.В. Копыловой // Вопросы истории. 2004. № 10–12; 2005. № 1–3, 5–12; 2006. № 1–2, 4–8; «История в человеке» – академик М.В. Нечкина / Под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011; и др.

¹¹ «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М., 2013 (далее ссылки на это издание даются в тексте статьи).

(с. 61–62). Ранняя убежденность Нечкиной в своём предназначении к творчеству проявилась, в частности, в её несогласии с суждениями В.Г. Белинского. Прочитав его статью «“Жертва”. Литературный эскиз. Соч. г-жи Монборн»¹², она протестует против роли, которую знаменитый литературный критик отводил женщинам-писателям. Не претендуя на знание философии, психологии, литературы и проч., которого, как она сама признавала, у неё ещё не доставало, Нечкина руководствуется при этом «одним здравым смыслом». Тезису Белинского – «женщина-писательница с талантом жалка» – она противопоставила свой: «Женщина с искрой Божьей не должна её заглушать в себе, а, напротив, развивать её для счастья человечества» (с. 62–63).

В упомянутой выше первой дневниковой записи Милица Васильевна предстаёт восторженной гимназисткой, частичкой ликующей толпы, праздновавшей трехсотый юбилей династии: «Какая-то светлая, огромная радость вливалась в душу, как будто бы чьи-то тихие, тихие голоса пели в моем сердце могучую русскую песню. И эта песня поднималась, становилась всё шире и шире и своим могучим русским простором захватывала меня всю». В тот момент ее патриотические настроения выливались в «чувства бесконечной преданности, восторга и любви, горячей беспредельной русской любви к дорогому государю» (с. 62). Само собою напрашивается сравнение с картиной, которую нарисовал Л.Н. Толстой в своём романе «Война и мир», описывая смотр Александром I русских войск, стоявших около Ольмюца, и состояние принимавшего в нем участие молодого Николая Ростова, при виде императора «испытывавшего чувство нежности и восторга, подобного которому он ещё не испытывал»¹³.

Великий писатель обратил внимание на эмоциональную зависимость своего героя от состояния находившихся рядом с ним множества людей, выступавших в данный момент как единое целое. Насколько была захвачена общим потоком ощущений праздничной толпы юная Милица Нечкина, судить трудно, как невозможно на основании сделанного ею признания делать выводы о её общественно-политических пристрастиях. Уже спустя три года, 14 апреля 1916 г., дневник фиксирует появившийся у Нечкиной интерес к вопросам социализма и российским представителям этого направления общественной мысли. Подробно пересказывая содержание беседы с несколькими казанскими социалистами, она записала, что слушала их, как зачарованная: «Чем-то таким новым и смелым пахло на меня из этих речей. Я в первый раз в своей жизни услышала, а не прочла, новые речи, увидела, а не представила, не изобрела своей фантазией новых людей». Отдавая дань модным в то время социальным идеям, Нечкина критически их осмысливала: «Мне очень многое симпатично в этом движении, но я не могу понять этого принудительного равенства. Не обезличивает ли это учение человеческую индивидуальность, приводя всех к одному уровню?» (с. 78–79). Это направление её мысли – уважение к личности, к творческой индивидуальности – станет одним из основополагающих жизненных приоритетов историка.

Дальнейшие дневниковые записи показывают, что мысли о марксизме продолжали занимать ум Нечкиной. 13 июля 1916 г. она описала, как произошло её знакомство с марксистской теорией: «Как курьёз могу привести, что в начале моего знакомства с социализмом меня довольно долго ставило в тупик

¹² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953. С. 221–233.

¹³ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20 т. Т. IV. М., 1979. С. 310.

часто попадавшееся имя Маркса. Я, конечно, слышала его имя давно, прямо ещё в детстве, тогда же слышала я, что он написал громаднейшее произведение “Капитал”, которое состоит чуть не из десятков томов и которое могут прочесть только очень умные люди. Теперь я, конечно, не путала... Маркса с издателем “Нивы”, но меня занимал вопрос: кто Маркс по своим экономическим убеждениям?» Нечкина описывает и цепь посылок, которые подвели её к определению Маркса как социалиста: «Он написал “Капитал”, так, наверное, он капиталист по убеждениям? Долго я билась над этим вопросом, но, наконец, взялась за энциклопедический словарь. Может быть, я невнимательно прочла там о Марксе, но прямого ответа на свой вопрос не нашла, зато нашла косвенный, который и помог мне разобраться в этом деле посредством умозаключения, противоречащего французской мудрости: “Les extrémités se touchent” (“крайности сходятся”), Маркс оказался другом Энгельса, который, как я знала, был социалист по убеждениям, откуда я и вывела, что и Маркс социалист». Заканчивая эти рассуждения, Нечкина сделала вывод, оказавшийся пророческим: «Влияние моего знакомства с социализмом скажется, как мне думается, после особенно сильно» (с. 81).

В целом начальные страницы дневника историка показывают довольно отстранённое отношение его автора к вопросам политики и увлечённость до самозабвения выбором своего пути в науке. Вместе с тем они демонстрируют и характерное для русской либеральной интеллигенции преклонение перед революционностью. Сообщение о произошедшем в Петрограде февральском перевороте вызвало в Нечкиной смешанные чувства: «Боже мой, что за время мы переживаем!» Одновременно она задалась вопросом: «Но почему же я, которая не имею никаких убеждений, почувствовала в сердце какую-то огромную, светлую радость?» – и сама же ответила на него: «Значит, во мне есть что-то, сочувствующее происходящему, что-то убеждённое. Это было с самого детства – ещё во время 5-го года, я (мне было 6 лет) писала революционные стихотворения и записывала впечатления от революции». При этом характерная для неё активная жизненная позиция («Теперь так хочется больше видеть и слышать») сочеталась в ней со стремлением оградить свой собственный мир от постороннего вторжения. В будоражившей обстановке разворачивавшихся социальных потрясений ей, писала она, «захотелось поступать именно так: я пошла, стала играть на рояле, решила писать конспект к уроку, не обращая внимания ни на что» (с. 87).

И все же сохранение нейтралитета и внепартийности в обстановке революции и гражданской войны было задачей непростой. Недаром Милица Васильевна 30 сентября 1919 г. задумалась: «От кого придётся прятать дневник – от белых или красных?» (с. 100). Однако, судя по характеру записей, год от года становившихся все более лаконичными и сдержанными, а со второй трети 1930-х гг. в значительной степени приобретших форму простой регистрации событий, она выработала привычку таить не дневник, а мысли.

В 1919 г. Нечкина не причисляла себя ни к сторонникам, ни к противникам пролетарской диктатуры. Она писала, что «не в силах ещё верить в какую-нибудь борьбу». Победа большевиков была для неё «их победой». Но что-то всё-таки менялось: «Все наши большевики хорошо относятся ко мне, это мне почему-то дорого», – заметила она (с. 100), рассказывая о своей работе секретарем объединённого совета книжных бюро вузов Казани (с. 592). Поэтому её внезапное признание «А ведь я думаю о социализме, только этого не

видно из дневника», сделанное вечером 31 мая 1919 г. (там же), не кажется неожиданным.

Как и многие другие представители её поколения, Нечкина не избежала определённой героизации российской революции и её деятелей. 2 ноября 1920 г. она описала, как «третьего дня» на большом поэтическом вечере, устроенном казанскими поэтами, в том числе и ею самой, «познакомилась с председателем ЧК Ивановым»: «У Иванова удивительное лицо – бледное, очень серьёзное и очень усталое. К нему подошли бы латы и шлем. Это лицо средневекового рыцаря» (с. 117–118). Романтически-приподнято рассказывает она и о красноармейцах. В записи от 11 января 1921 г. они представлены в ореоле страстотерпцев: «Я всегда опускаю перед ними глаза, когда прохожу мимо. Мне глубоко стыдно. Они – святые, они герои такого терпения, о котором можно рассказывать в сказках». Далее следовали слова, выделенные особо и написанные как бы для утверждения себя самой в этой мысли: «Я очень люблю красноармейцев» (с. 123). Впрочем, почему-то именно от этого подчеркивания рождаются сомнения в искренности этих слов.

Здесь напрашивается сравнение с восприятием революции А.М. Панкратовой, другой не менее значимой фигурой в молодой советской марксистской исторической науке. Судьбы обеих женщин, первых историков-академиков, при всём своём различии были тесно связаны профессионально и лично: близким Панкратовой человеком была Е.К. Соколовская¹⁴, с которой её познакомила и соединила большевистская подпольная работа в Одессе в годы Гражданской войны. Соколовская являлась женой Я.А. Яковлева (Эпштейна), также участника одесского подполья, брата мужа Милицы Васильевны Д.А. Эпштейна¹⁵. Именно к Панкратовой и Соколовской в феврале 1932 г. Нечкина обратилась за советом и поддержкой после прозвучавших в её адрес обвинений в газете «Правда» в «варварском академизме», что в обстановке тех лет могло грозить как минимум разрушением научной карьеры¹⁶.

А.М. Панкратова, в феврале 1922 г. находясь на партийной работе на Урале, писала с Каслинского завода: «Когда-то, помню, девочкой, читая впервые “Историю Парижской коммуны”, я пламенно мечтала о ней и завидовала тем, кто жил и боролся тогда». Однако далее она пишет, что романтические иллюзии при соприкосновении с действительностью рассеялись, хотя убеждённости в правоте сделанного ею большевистского выбора осталась: «Теперь я увидела, что революция – далеко не так героична и красива вблизи, как это казалось тогда, что она жестока, сурова, неприглядна»¹⁷.

Жестокое отрезвление ожидало и М.В. Нечкину. В понедельник 7 ноября 1921 г. в её дневнике появилась запись: «В ночь на воскресенье папу»¹⁸ аресто-

¹⁴ Соколовская Софья Ивановна (партийный псевдоним – Светлова Елена Кирилловна; 1894–1938), партийный деятель. В 1918–1919 гг. секретарь одесского подпольного обкома КП(б)У, одна из организаторов и руководителей «Иностранной коллегии»; в 1930-е гг. заместитель директора «Мосфильма» по художественной части. Репрессирована.

¹⁵ Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938), партийный и государственный деятель. Репрессирован. Эпштейн Давид Аркадьевич (1898–1985), доктор технических наук (1942), академик АПН РСФСР (1959).

¹⁶ Подробнее см.: *Курапова Е.Р.* Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 15–16.

¹⁷ Цит. по: Историк и время: 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 264.

¹⁸ Нечкин Василий Иванович (1873–1923), в 1911 г. был назначен директором Казанского промышленного училища.

вали. Вчера я весь день бегала из-за его ареста по своим знакомым коммунистам и разным влиятельным людям. Я просто полумертва от усталости». Далее она рассказала о хлопотах, передачах еды, а также о реакции людей, к которым ей пришлось обращаться за помощью: «Все обещают, успокаивают. Но делают ли что-нибудь? Они все любят со мной встречаться, смеяться, болтать, говорить как с “поэтессой”; провожать до дому... Господи, как страшно чувство бессилия» (с. 131).

Отчаянно стараясь повлиять на судьбу отца, она не оставляла своих попыток добиться его освобождения. В ночь на 9 ноября 1921 г. Милица Васильевна занесла в дневник: «Весь день бегала. Была в ЧК, у Гнатовского, у Зеймлера. Еще ничего не известно. Следствия как будто ещё не было. Дождь льет, сыро, холодно, темно. А папа – в тюрьме. Папа, папа в тюрьме. Когда мы спросили, топят ли в тюрьме, тепло ли там, отвечали: “Надышат”» (с. 132). 10 ноября В.И. Нечкин вернулся домой, «сильно похудевшим и ослабевшим». Описывая его эмоциональное состояние, Милица Васильевна подчеркнула, что он «весь наполнен чувством обиды, что был в тюрьме». Одновременно она заметила, что это было «чувство, свойственное людям прежнего времени и уже чуждое нам» (с. 133). Последнее суждение вновь обращает к аналогии с реакцией на «издержки» социального переворота у А.М. Панкратовой. Померкшее обаяние рыцарей революции также не оттолкнуло Нечкину от «новой жизни», хотя в противоположность Панкратовой она никогда не позиционировала себя как приверженца революции¹⁹. Однако можно сделать вывод, что страх репрессий, который сопровождал Нечкину на протяжении всей её жизни и был, без сомнения, причиной многих компромиссов и конформизма, поселился в её сознании уже в те осенние дни 1921 г.

В личных записях М.В. Нечкиной, что вполне понятно в условиях, постоянно чреватых политических гонениями, нет прямых оценок сталинской системы власти. Однако внимательное чтение дневника позволяет разглядеть, каково было ее отношение к сталинизму. 10 февраля 1947 г. она позволила себе оставить подробное описание выборов в Верховный Совет РСФСР, состоявшихся накануне, 9 февраля. «Наши выборы, – констатировала она, – это утверждение народом кандидата, предложенного диктатурой» (с. 365, здесь и далее – выделено в оригинале). Вместе с тем она подчёркивала, что этот режим существовал «в силу сложных исторических причин и с безусловного согласия народа», которому, «чтобы изменить данную форму... достаточно провести 5-сантиметровую карандашную черточку (разумеется, в кабине!)». Явно не симпатизируя такому стилю управления страной, Нечкина, работавшая на выборах, пришла к выводу, что, «пока народ на это согласен, одобряет эту форму, и она полна большого содержания» (с. 365, 367). Думается, в этой оценке проявилась усвоенная ею в семье либерально-демократическая традиция, основанная на уважении народа и его выбора.

Дневники показывают, как одновременно со становлением гражданской позиции учёного формировалось её отношение к профессиональной деятельности. «Моя цель определена – изучение социальных наук, только их», – писала она 22 апреля 1917 г. о своём решении поступить в Казанский университет. Однако вопрос о выборе факультета какое-то время оставался открытым. «На какой факультет? Прежде я не колебалась – исторический, но... теперь

¹⁹ См.: Историк и время... С. 262.

нет», – раздумывала Нечкина и обосновывала свои сомнения: «Я хочу истинной науки, а история не есть таковая» (с. 87–88). Недоверие к истории как науке прежде всего относилось к русской классической исторической науке и было во многом связано с разочарованием в её прогностической функции на фоне социально-политических потрясений начала XX в.

В конечном итоге всё же избрав историческое отделение историко-филологического факультета, по прошествии первого года своей учебы в университете Нечкина отметила: «Я полна жажды работы, красивой, творческой. В голове всё время рождаются темы для разных исследований и размышлений. Тихонько рушатся старые подгнившие взгляды, и незаметно, и быстро, как в сказке, новые занимают их место – новые, гордые, стройные, упругие, полные нервов и жизни» (с. 90). Дневниковые записи позволяют проследить процесс нарастания неудовлетворенности молодого историка «профессорской наукой»: «Вся трагедия нашей науки состоит в том, что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. И сейчас же, во время записи, в мысли приходит вопрос о методологическом основании. Прямо тоска по методу поднимается в душе. И, главное, не по тому методу, который даётся профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказать противоположное. Я всё это ещё очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого» (с. 103). Год спустя, в ноябре 1920 г., её оценка университетской профессуры стала ещё более резкой: «Каста, мертвечина и личные счёты» (с. 120).

Приведённая цепочка суждений позволяет заметить, что «растущее убеждение в шаткости» исторического метода историков «старой школы» и в «необходимости работать как-то иначе» было вызвано у Нечкиной желанием обрести единственно верное, истинное знание. Этот путь, как ей виделось, пролегал через изучение «сначала политической экономии, потом теории экономического материализма» (с. 104). 1 июля 1920 г. она подвела итог своему освоению новой методологии исторического исследования: «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность» (с. 113–114). Экономический материализм привёл ее к школе М.Н. Покровского, о чтении «чудных, живых страниц пятитомной истории» (с. 111)²⁰ которого она сообщила 17 июня 1920 г. В 1922 г. в Казани увидела свет первая книга М.В. Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма: историографический очерк», в которой она с позиций этого научного подхода анализировала труды отечественных историков по истории России.

Как свидетельствует дневник, в студенческие годы у Нечкиной стал формироваться не только научный исследовательский метод. Было положено начало выработке отношения к источнику, заложены основы междисциплинарного подхода, складывался художественный стиль изучения и интерпретации прошлого. По её собственному признанию, понимание приоритета исторического источника пришло к ней в процессе занятий итальянской живописью эпохи Возрождения. «Я больше всего ценю источник, а не его разработку... Как бледен

²⁰ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1–5. М., 1910–1913.

томик Роллана “Жизнь Микеланджело”²¹ перед подлинником. Зачем вообще писать характеристики, если существуют дневники и письма?» (с. 118–119).

В подобных оценках, несомненно, ярко проявился творческий характер натуры Нечкиной, что позволяет проследить глубокую взаимосвязь между личными и профессиональными качествами историка. Вот как она описывает свои ощущения от исторических документов: «Всегда, подходя к источнику, воспринимаю его совсем иначе, чем в учебниках. Какая бездна радости – можно задохнуться. И главное, как удивительно похожа мысль на музыку. Улавливаешь переходы нот, аккорды, паузы» (с. 125). Милица Васильевна была поэтом, творившим в традициях Серебряного века, с его стилистикой обобщённых, импрессионистских, но от того не менее точных и узнаваемых образов. Её стихотворения – яркое тому подтверждение²². Отсюда, вероятно, и особое отношение к слову, и отличавшее её работы чувство слова. Взгляд Нечкиной на этот предмет проявился, например, в размышлениях о разнице в восприятии древней и современной истории: «Там ценишь, как драгоценность, каждое слово, с любовью и религиозной радостью принимаешь каждый обломочек фразы, как... ну, как причастие, а здесь небрежно глотаешь, отбрасываешь, “швыряешься”... Нехорошо» (с. 125).

Художественность натуры Нечкиной влекла её к различным сферам науки и искусства. Осознавая это, она писала: «Со стороны моя научная деятельность довольно нелепа: оставлена при университете по кафедре русской истории, читаю в художественном институте курс социологии искусств, посещаю лекции по психиатрии и читаю в Пушкинском обществе о Достоевском. Со стороны кажется, что я непрослительно “разбрасываюсь”. Многие добрые знакомые упрекают и удивляются, особенно хороша фраза: “Ведь искусство не ваша специальность”». Но столь многоплановые занятия, среди которых и неупомянутая ею математика, не были случайностью; наоборот, все они подчинялись единой задаче: «И только одна я знаю, что все эти разнообразные темы спаяны одной: человек» (с. 134). Можно с полным основанием утверждать, что междисциплинарный подход – работа на стыке литературы, психологии, социологии и прочих отраслей знания, который отличал труды Нечкиной, подпитывался разносторонностью её личности.

Думается, что ей была близка идея В.Г. Белинского, против которого она некогда восставала в своем дневнике, отстаивая права женщин-писательниц, о важности художественных приёмов и образов в науке: «Художественность изложения! Недаром же историков называют художниками. Кажется, что бы делать искусству (в смысле художества) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна ещё фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более, как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание»²³. Вне всякого сомнения, таким художником и была Милица Васильевна. Только человек, одарённый подобным историческим видением, мог, например, столь

²¹ Имеется в виду книга Р. Роллана «Жизнь Микеланджело» (1907) из цикла его работ, посвящённых великим деятелям литературы и искусства.

²² См., например: Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия. М., 2003. С. 171–196.

²³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. X. М., 1956. С. 316.

нестандартно подойти к оценке главного марксистского труда, как она в своих работах «“Капитал” Карла Маркса как художественное целое: К 60-летию выхода в свет 1 т. “Капитала”», «Маркс как художник слова», «Литературный стиль Маркса» и др.²⁴

Дневники Нечкиной позволяют приоткрыть, насколько это вольно или невольно позволила сама автор, дверцу в ее духовную жизнь, что в какой-то степени даёт представление и о ментальности историков ее круга и поколения. На их основе можно поднять вопросы, связанные с отношением к религии и вере и даже суевериям, вопросы, ответ на которые найти бывает обычно крайне сложно. В жизнь Нечкиной, как и большинства русских историков этого поколения, религия входила непременно элементом воспитания. Как будто бы и о них писал А.С. Пушкин в своем «Евгении Онегине»: «Они хранили в жизни мирной // Привычки милой старины; // У них на масленице жирной // Водились русские блины; // Два раза в год они говели; // Любили круглые качели, // Подблюдны песни, хоровод; // В день Троицын, когда народ, // Зевая, слушает молебен, // Умильно на пучок зари // Они роняли слезки три». 18 января 1920 г., в канун православного Крещения, Нечкина записала в дневнике: «Сегодня надо гадать». Она «совсем было собралась идти спрашивать имена на улице», но передумала: ей «хотелось побольше прочесть [П.П.] Маслова» (с. 106). Работы по политической экономии одержали верх над народной традицией.

В детские и гимназические годы православная обрядность, изучение Закона Божия были частью повседневности Милицы Нечкиной. Однако и в этой достаточно консервативной сфере она ярко выказала свою целеустремленность: «Каждый вечер я молюсь о том, чтобы та роль, которая предназначена мне в жизни, не расходилась с той ролью, которую я выберу сама в жизни» (с. 68, запись от ноября 1914 г.). Нечкина сетовала на догматизм преподавания Закона Божия в гимназии: «Как это ни больно, но наш отец духовный никогда не даёт нам высказать своих религиозных воззрений». При этом она констатировала, что хотя её «религиозные воззрения ещё далеко не установились», но она уже преодолела «то ужасное положение, когда старые, привитые и внушённые с детства взгляды уже отвергнуты беспокойно ищущим чего-то умом, а чувство, требующее новых, еще не удовлетворено из-за глубины, загадочности и прямо непостижимости Бога» (с. 69).

Дневник содержит и уникальные факты, позволяющие увидеть и моменты соединения религиозных практик и размышлений над научными вопросами. 31 марта 1916 г. вслед за словами «Я говею. Завтра исповедоваться» Нечкина пишет о смерти историка и социолога М.М. Ковалевского, которая произвела на неё большое впечатление: «Мне было так больно. Сегодня за вечерней я поставила свечку за упокой его души. Не знаю, какое чувство заставило меня это сделать: может быть, то же, которое заставляет меня каждый вечер молиться за упокой души Гюйо и Джона Стюарта Милля» (с. 77). Дневник позволяет увидеть Нечкину и в храме, на церковной службе. Например, 16 июля 1916 г. она описала своё настроение на всенощной службе: «Как всегда, пережила дивное ощущение во время песнопения “Слава в вышних Богу...”». Это место

²⁴ Печать и революция. 1927. Кн. 5. С. 5–21; Знамя. 1933. № 3. С. 114–135; Правда. 1938. 8 мая. Много лет спустя ряд посвященных творчеству Маркса статей были объединены ею и переизданы, см.: *Нечкина М.В.* Читая Маркса...: Сборник работ. К 100-летию со дня кончины Карла Маркса, 1883–1983. М., 1984.

богослужения, следующее за странными и великими словами “Слава тебе, показавшему нам свет”, – любимое моё место во всенощной» (с. 83).

Того, когда именно и как произошло разрушение религиозных убеждений М.В. Нечкиной, её личный дневник не отобразил. 19 января 1919 г. она уже говорила: «Всегда, когда я счастлива, я... (далее стерто. – Л.С.) и неверующая говорю: “Господи, благодарю тебя”. А кругом бушует революция» (с. 95). И все же и несколько лет спустя в записях Милицы Васильевны проступает сопряжённость особо значимых для нее событий личной жизни и упоминаний о посещении храма. 18 ноября 1922 г. она записала, что была «у Всенощной у Богоявления. После церкви продолжала работу и составила план главы о Ключевском, заглавие главы “Идеи в историческом мирозерцании Ключевского”. Так увлечена работой, что даже не ходила в клинику, хотя, м[ожет] б[ыть], он сегодня приехал. Рада победе» (с. 236). «Он» – это профессор Григорий Яковлевич Трошин²⁵, декан медицинского факультета Казанского университета, возглавлявший университетскую психиатрическую клинику, который, судя по отрывочным строкам её дневника, очень много для неё значил. 11 апреля 1922 г. он был в первый раз арестован, а 23 апреля освобождён не без усилий Нечкиной, которая «бегала по делу дяди Гриши», активизируя все свои «большевистские» знакомства. Утром в день его освобождения она гадала, что символично, на Библии: «да или нет, освободят или нет?» «Я решила, – записала она в дневнике, – если в выпавшем тексте будет отрицание – значит нет, какое-нибудь “не”, “нет”, “никогда”, “негде”. Если – положительно, то да»²⁶.

Исчезновение со страниц дневника упоминаний об отношении к вере не означало потерю ею интереса к религии. Так, 15 января 1923 г. она отметила, что «начала читать “Ключ веры” М.О. Гершензона, Пгр., 1922, очень увлечена» (с. 243). Новая книга известного историка русской литературы, обратившегося к философии религии, была посвящена осмыслению исторических судеб России, христианства и иудаизма как культурно-исторических и мистических феноменов²⁷. Л.И. Шестов видел основное содержание этого труда в «попытке открыть доступ современному человеку к Библии»²⁸. По поводу прочитанного Нечкина сделала ряд заметок, которые, помимо прочего, свидетельствовали о её прекрасном знании Священного Писания. Оценивая «Ключ веры», она отметила, что в работе «чувствуется тщательнейший текстуальный анализ Библии», который, по её мнению, «чтения... совершенно не загромаждает». «Очень изящное издание... Когда я читала Библию, очень многие мысли из развитых Гершензоном мне приходили в голову»²⁹.

В дальнейшем упоминания в дневнике о посещении церкви, о православных праздниках сходят на нет. Ещё ранее в календаре Нечкиной наряду с обозначением больших церковных дат стали появляться новые ориентиры. Рассказ от 1 мая 1923 г. начался с упоминания «первомайских процессий» (с. 259).

²⁵ Трошин Григорий Яковлевич (1874–1938), российский психолог и психиатр, доктор медицины (1903). Окончил медицинский факультет Казанского университета, работал в Казани и Петербурге, в 1922 г. выслан из СССР, жил и работал в Праге (Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 629–631).

²⁶ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. С. 987.

²⁷ Гершензон М.О. Ключ веры // Гершензон М.О. Избранное. Т. 4. М.; Иерусалим, 2000. С. 125–170.

²⁸ Там же. С. 168.

²⁹ Архив РАН, ф. 1820, оп. 1, д. 167, л. 87, 89.

А 5 декабря 1931 г., в день разрушения храма Христа Спасителя, Нечкина записала: «Начали взрывать храм – замечательно». И продолжила: «Много работала над Лениным» (с. 316). Эволюция от исполнения привычных с детства религиозных обрядов к их постепенному замещению новой социальной практикой, основанной на атеистических началах, была характерна для большинства советских историков первого марксистского поколения.

Страницы дневника свидетельствуют о бесконечном интересе историка к художественной литературе, о её блестящем знании поэзии. Особое значение для нее, насколько позволяют судить документы, имело творчество поэтов Серебряного века. 25 октября 1920 г. Нечкина писала: «Совсем зима. Сижу дома, чиню, штопаю, шью и с наслаждением дышу ароматом “Кипарисового ларца” Анненского³⁰, который знаю чуть не весь наизусть и который кажется мне самым тонким, самым глубоким и самым красивым из всех стихотворных сборников, прочитанных мною за последнее время» (с. 117). Спустя некоторое время, 11 января 1921 г., она вновь отметила: «Я сейчас вся в Анненском. Буду писать доклад о нём в Союзе поэтов». Далее Нечкина подчеркнула, что хотела записать этот доклад и объяснила причину необычного для неё поступка: «Мне почему-то кажется, что я встречаюсь в жизни когда-нибудь с людьми, знавшими Анненского лично и любившими его. Мне хочется показать доклад им и поговорить о нём» (с. 123). Вполне возможно, что это предчувствие её не обмануло. Нечкина рассказывала своим ученикам, что в эвакуации в Ташкенте у неё была беседа с бесконечно почитаемой ею А.А. Ахматовой.

Анненский, Ахматова, Блок чаще других поэтов появляются в её дневниковых заметках. М.Г. Вандалковская, ученица и коллега Милицы Васильевны, вспоминает, как в октябре 1929 г. она вместе с ней ехала на историографическую конференцию в Ригу. В тот день Маргарита Георгиевна стала участником своеобразного поэтического вечера. К ним в купе зашел пермский историк Л.Е. Кертман³¹, также ехавший на конференцию. Они просидели почти всю ночь напролет: Милица Васильевна и Лев Ефимович читали наизусть стихи поэтов Серебряного века.

Поэзия органично входила в духовный мир М.В. Нечкиной и, как позволяют судить об этом дневниковые записи, была частью её каждодневной жизни. Она находила в ней отзвук и давала подтверждение многим волновавшим её мыслям. «Вчера я написала план всего сочинения, – с удовлетворением пометила Милица Васильевна 17 июля 1920 г. окончание важного этапа в своей работе, посвящённой научному наследию В.О. Ключевского. – Он поразил меня своей изящной простотой. Это было необыкновенное счастье. Я вся ходила какая-то светлая. И сегодня тоже хорошо, хотя и вчера, и сегодня я больна, вчера даже плакала от боли и “маялась”, но это пустяки» (с. 112). И далее шла отсылка к стихотворению Ахматовой, написанному в Петербурге, в январе 1917 г.: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник. // Очертанья столицы во мгле. // Сочинил же какой-то бездельник, // Что бывает любовь на земле. // И от лени или со скуки // Все поверили, так и живут: // Ждут свиданий, боятся разлуки // И любовные песни поют. // Но иным открывается тайна, // И почиет на них тишина... // Я на это наткнулась случайно // И с тех пор все как будто больна»³².

³⁰ Поэтический сборник «Кипарисовый ларец» И.Ф. Анненского вышел в Петербурге в 1910 г.

³¹ Стихи Л.Е. Кертмана опубликованы: Вторая муза историка... С. 258–267.

³² Ахматова А.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1998. С. 294.

Нечкина обосновывала идею обретения радости от исследовательской деятельности, сопоставимой для неё по своей значимости с самыми сильными человеческими эмоциями: «Это счастье напряженного, светлого научного творчества. Любовь, ненависть, отчаянье – всё описано людьми в прозе, стихах, запечатлено на полотне, изваяно в мраморе, а счастье мысли, счастье научного творчества – нет». Обдумывая этот тезис, историк комментировала приведённое выше стихотворение, удивляясь, что оно как будто бы было адресовано ей самой: «И как странно к сегодняшнему дню, числу, небу и мне подходят строчки Анны Ахматовой» (с. 112).

Приведёнными здесь наблюдениями значение дневниковых записей М.В. Нечкиной, конечно, далеко не ограничивается. Значимость данной публикации подкреплена профессионально выполненными подробными комментариями. Вместе с тем хотелось бы выразить сомнение в обоснованности допущения в тексте купюр, тем более что содержание некоторых из них раскрыто в других публикациях этих документов³³. Понимая всю сложность публикации документов личного характера, хотелось бы отметить, что они были подготовлены для сдачи в архив самой М.В. Нечкиной, предполагавшей, что они станут достоянием научного сообщества. Однако всё это не снижает огромного значения проделанной составителями и публикаторами работы.

³³ См. подготовленную А.Н. Бикташевой публикацию материалов из казанских дневников М.В. Нечкиной: «История в человеке» – академик М.В. Нечкина.